

И-ЦЗИН **(эссе-воспоминание)**

«И цзин» (Книгу Перемен) я впервые получил не из рук китаиста, а из рук поэта. Это была даже не сама книга Шуцко, а ксерокс с неё, толстая пачка не очень хорошо читаемых листов бумаги. Мы встретились почему-то около станции Лианозово, и Андрей Суздальцев дал мне эту пачку. Это было в начале далёких 80-х годов.

А в конце 80-х я пришёл к Артёму Игоревичу Кобзеву в Институт Востоковедения (ИВ РАН, тогда ИВ АН СССР) и показал ему свой «труд»: небольшой текст о математической закономерности, обнаруженной мною в последовательности гексаграмм по Вэнь-вану (это обычный порядок гексаграмм, в том числе, в книге Шуцко). Кобзев предложил мне выступить с докладом на XXI научной конференции «Общество и государство в Китае», которую ИВ РАН (тогда ИВ АН СССР) ежегодно проводил (и проводит) с 1970 года. Мой доклад назывался «Третья дихотомия И цзина». Тогда был бум всяких исследований, докладов и статей на темы «И цзина», авторами которых выступали отнюдь не только (а, пожалуй, и не столько) китаисты, но и все, кому не лень: математики, физики, химики, генетики, биологи, музыковеды и т.д. Если мне не изменяет память, сама конференция проходила весной 1990 года, но сборник тезисов докладов подписан 18.12.1989.

В оглавлении сборника моё имя соседствовало с именем Владимира Евстигеевича Еремеева: № 12 и № 13. Его доклад назывался «Логико-семантический конструктор «Книги перемен»». Так мы и познакомились. Володя Еремеев тоже не был китаистом — тогда. Он окончил Московский энергетический институт (МЭИ), радиотехнический факультет по специальности «радиоэлектронные устройства». В какой-то период жизни чуть было не подался в священники, но сбежал из православия «в смятении чувств». В результате он самостоятельно изучил китайский язык и стал одним из крупных китаеведов, особенно, исследователей «И цзин». Как написал Артём Кобзев на сайте «Синология.Ру», это был «удивительный человек, редчайшим образом сочетавший в себе, казалось бы, взаимоисключающие качества педантичного рационалиста, ученого-естественника, мастеровитого технаря и чудака-гуманитария, романтического искателя «открытий чудных» в древних текстах». Он регулярно звонил мне по телефону, начиная разговор одним и тем же вопросом: «Ну, как, ты уже решил «загадку Вэнь-вана»? Увы, он умер слишком рано, как сказал Кобзев на том же сайте «Синология.Ру», «в совершенно не подобающем для этого возрасте 58 лет».

Потом были самые разные конференции по «И цзин». Цикл таких конференций (Григорьевские чтения) организовала вдова Владимира Юрьевича Григорьева, известного музыковеда, доктора искусствоведения, профессора и т.п., который тоже увлекался «И цзин» и даже издал книгу «Гадательная «Книга перемен» И ЦЗИН» в 1992 г.

Кажется, на одной из таких конференций я познакомился с Брониславом Брониславовичем Виноградским, которого Володя Еремеев, ведший заседание, представил как «человек в традиции». Последний раз мы виделись

в Институте Востоковедения на конференции, приуроченной к 70-летию Артёма Кобзева. Но время от времени общаемся в социальных сетях, где Бронислав весьма активен.

Также на одной из конференций я познакомился с переводчиком (с немецкого и китайского) и исследователем «И цзин» Виктором Михайловичем Яковлевым. Он перевёл на русский не только «И цзин», но и «Десять крыльев» древних комментариев, приписываемых Конфуцию, т.е. весь канон «Чжоу И». В 2000 г. я сделал работу, которую назвал «И ШИ — Песни Перемен». Для каждой гексаграммы я нарисовал картинку, написал стихотворение (в основном, пятистишия) и добавил комментарий, поясняющий связь картинки и стихов с графикой гексаграммы и текстом И-цзин. Виктор Яковлев просмотрел эту мою работу и прислал свою версию моих стихов, немного поправленных, которую я тоже добавил.

Имя Артемия Михайловича Карапетьянца я впервые услышал тоже не от китаистов, а от художника Александра Николаевича Ларионова, выставка которого проходила в Москве, кажется в церкви Симеона Столпника на Арбате в 1985 г. Тогда меня заинтересовали китайские и японские мотивы в творчестве этого художника из Гродно. Мы с ним чуть-чуть переписывались. Александр Ларионов на год меня младше, и тоже умер слишком рано, в 64 года.

Потом я, конечно, много раз встречал Артемия Карапетьянца на разных конференциях, читал его труды, в том числе, по «И цзин». Может быть, он тоже слышал какие-то мои выступления. Но я не успел познакомиться с ним ближе, лично, он умер в 2021 г. в возрасте 78 лет. Очень жаль, потому что всего через два года, в 2023 г., мы с моим коллегой по Институту системного программирования Андреем Максимовым провели исследование формальной структуры «Даодэцзина», основанное на работе Карапетьянца по структуризации параграфов «Даодэцзина», и выпустили монографию «Компьютерная структуризация канонических текстов». Есть там кое-что и про «И цзин», хотя аналогичная работа по «И цзин», если бог даст, будет ещё впереди. В этом, 2024 г., в сентябре я был в Китае и подарил четыре экземпляра этой монографии четырём китайским университетам в Харбине, Пекине, Тайюани и Циндао.

В нашем с Александром Белугиным литературном клубе «Подвал № 1» мы не раз, так или иначе, обращались к темам «И цзин». Один раз даже звучала «Музыка Перемен», которую я составил, довольно формально соотнеся черты гексаграмм с нотами. На этих вечерах у нас бывали и Володя Еремеев, и Артём Кобзев, и Андрей Суздальцев.

Потом Андрей Суздальцев стал Андреем Тавровым. Если не ошибаюсь, последний раз мы виделись весной 2023 г. на вечере Московского объединения литераторов (МОЛ) Союза литераторов РФ в Институте русского языка, где Андрей делал доклад о современной поэзии. Андрей мой ровесник (он на полгода меня старше), он умер в 2023 г. в возрасте 75 лет. Поэзия Андрея Таврова с её явной христианской окраской (на которой, правда, надо отдать должное, Андрей не заикливался) мне не близка, но всё же я чувствую её мощь и глубину. Его последняя работа «Ангелы Константина» —

цикла стихотворений, посвящённый личности Константина Циолковского, также обыгрывает темы «И цзин». Я её ещё не читал, но постараюсь прочитать. Буду читать и вспоминать.

20241013